«Нобелиана – 1987

В прошлом «Литературка» весьма оперативно откликалась на Нобелевские премии. Мы помним бурную травлю Пастернака в 1958 году. В 1970-м читатели «ЛГ» были деловито осведомлены о том, что шведская газета «Норшенфламма» (уже несуществующая тогда) осуждает присуждение премии Солженицыну.

Словом, «ЛГ» всегда реагировала на Нобелевские премии живо и, скажем, разнообразно. Что же это вдруг такая загадочная молчаливость в эпоху гласности? Ведь неудобно же. Ведь все ждут, потому что все знают. Разговоры о премии Бродскому, особенно в литературных кругах, не прекращаются, и молчание «ЛГ» приобретает характер заявления: ругаться не могу, поскольку это было бы вразрез с либерализацией культурной политики, а откликаться положительно или хотя бы нейтрально не хочу.

Смысл столь долгого молчания «ЛГ» становится окончательно понятен, если мы вспомним, кто ее редактор. Это уже чуть не четверть века А.Б. Чаковский. Лауреат Сталинской премии 1950 года за лживый сталинский роман «У нас уже утро». Затем он воспел другого великого кормчего Ким Ир Сена. А в недавние годы застоя опять отличился прославлением Иосифа Виссарионовича как мудрого полководца и вождя народа в многотомной эпопее «Блокада» и «Победа».

Сейчас 75-летнему сталинисту не очень-то уютно. Единственно доступная ему тактика – отмалчиваться, замалчивать. Авось, не припомнят. Среди прочего Чаковскому, очевидно, хотелось бы забыть и то, как в 1964 году он ерничал и клеветал на невинно осужденного Бродского, когда все порядочные люди поднялись на защиту поэта.

Чаковский, будучи редактором «Литературной газеты», говорил в Нью-Йорке американским журналистам:

«Бродский – это то, что у нас называется подонок, просто обыкновенный подонок. Его судили открытым судом с соблюдением всей законной процедуры. Он сам защищался. Судьи выслушали показания литературных экспертов и представителей ленинградской общественности и пришли к решению – выселить Бродского из города и предоставить ему возможность заниматься честным трудом.

Мне кажется попросту смешным, что вы можете испытывать лицемерное негодование по поводу так называемого «дела Бродского» в то время, как здесь кидают бомбы в церкви, убивают девушек, и убийцы разгуливают на свободе».

(«Нью-Йорк таймс», 20.12.1964 г., «Русская мысль» 30.10.1987 г.)

Чаковский не хочет выпускать из стареющих рук знамя певца Сталина и ученика Геббельса. Ах, с каким бы удовольствием он не молчал бы сейчас, а высказался в традиционном для его газеты стиле».

В данном порицании Чаковского перечисленные факты были достоверными, но демонически преувеличена роль моего главреда в тогдашнем остракизме Бродского.

Да, Чаковский был политически влиятелен и вне его газеты не только благодаря своим высшим госпремиям, множеству первостепенных орденов, многотиражным историческим романам, статусу Героя Социалистического Труда. Он являлся также членом ЦК КПСС, депутатом Верховного Совета СССР, был вхож в персональные кабинеты членов Политбюро ЦК КПСС. И все же никогда не обладал единовластием над всей столичной прессой.

Горбачевской «перестроечной» осенью 1987 года конъюнктурный издавна Чаковский вряд ли по-прежнему хамски обзывал Бродского

«подонком», как ругнулся четверть века назад в 1964 году. Это потребовалось Чаковскому в том году срочно, чтобы не лишиться должности главреда «Литгазеты» и всех его сановных регалий. Ибо в те дни судилища молодого Бродского за мнимое «тунеядство» корреспондентка «Литгазеты» Фрида Вигдорова без ведома Чаковского самовольно, дерзко, публично оказалась инициатором общественной защиты Бродского российской интеллигенцией и зарубежной прессой.

Она сумела на ленинградском суде над Бродским полутайком застенографировать весь вздор предъявленных ему ложных обвинений, его отважную отповедь, беспрестанное злословие судьи против него, грозный приговор к пятилетней ссылке напоказ прочим вольнодумцам по заказу местного обкома КПСС и горуправы КГБ.

Текст стенограммы Вигдоровой был вскоре обнародован российским «самиздатом» и на Западе американским журналом «Нью лидер», французской газетой «Фигаро», лондонским «Энкаунтер», британскими радиотрансляторами Би-Би-Си, парижским журналом «Эксьон поэтик», американским книгоиздательством «Фарбер». Так спонтанно возникла международная кампания за спасение из неволи безвестного ранее советского провинциального стихотворца.

Тем временем Вигдорова и две ее приятельницы сагитировали выступить в защиту Бродского популярных и вполне лояльных советских литераторов Александра Твардовского, Константина Паустовского, Самуила Маршака, Юрия Германа, композитора Дмитрия Шостаковича.

Давняя покровительница Бродского знаменитая поэтесса Анна Ахматова пошутила пророчески в феврале 1964 года о постсудебной судьбе ее подопечного рыжевласого друга:

– Какую биографию делают нашему рыжему! Как будто он кого-то нарочно нанял.

Спустя несколько месяцев Бродского освободили из ссылки в Архангельской области по просьбе о том всеобщеизвестного французского философа, писателя, антибуржуазного трибуна Жана-Поля Сартра.

С тех времен у Бродского дома в Ленинграде и потом в Нью-Йорке над его письменным столом был всегда на стене фотопортрет Фриды Вигдоровой. Она за месяц до его освобождения из ссылки умерла от рака.

Очень всякий Бродский

После интервью с Бродским в кафетерии 7 ноября я пошел, уже в сумерках, проводить его домой на Мортон-стрит. Спросил:

– Как относитесь к самым популярным советским поэтам Евтушенко и Вознесенскому?

Бродский воскликнул:

– Да я с Евтухом в одном поле даже срать не сяду!

Поэт-интеллектуал изредка выражался по-простому смачно. Например, о себе в тюрьме весной 1965 года:

Ночь. Камера. Волчок
Хуярит прямо мне в зрачок.
Прихлебывает чай дежурный.
И сам себе кажусь я урной,
Куда судьба сгребает мусор,
Куда плюется каждый мусор.

(Иосиф Бродский «Камерная музыка»).

Стихотворение 1992 года об украинских сепаратистах-русофобах:

Прощевайте, хохлы! Пожили вместе, хватит.
Скажем им, звонкой матерью паузы метя, строго:

Скатертью вам, хохлы, и рушником дорога.
Ступайте от нас в жупане, не говоря в мундире,
По адресу на три буквы, на все четыре
Стороны.

(Иосиф Бродский «На независимость Украины»)

Помимо встречи Бродского со мной он в разных интервью именовал Евтушенко обычно Евтухом, обзывал «говнецом», сочинителем «абсолютной лжи, вранья, полного бреда», «консультантом КГБ». И еще: «У Евтуха и Вознесенского всю дорогу были какие-то друзья в ЦК партии, и потому чуваки постоянно были в курсе дела – куда ветер завтра подует. Холуйская элоквенция Евтуха».

А вот ответные эскапады Евтушенко о Бродском: «Квазимодо. Он человек тяжелого характера. Человек из мира коммунальных кухонь. Человек, лишенный чувства благодарности. Человек, который не любит людей, которые ему помогают. Бродский сделал мне самую подлейшую вещь на свете. За это я бы, может быть, его ударил бы просто по лицу. Этого не случилось».

Все эти нападки Бродского и Евтушенко друг на друга и далее их подобные обоюдные выпады почерпнуты здесь из оглашенных прессой публикаций, которые никем не опровергнуты.

Первоначальная стычка поэтов случилась осенью 1965 года, когда освобожденный из ссылки Бродский приехал ненадолго в Москву. Тот инцидент описал Евтушенко сугубо по-своему 35 лет спустя в городе Бресте на фуршете в честь гостя после его поэтического концерта:

«Последнее время я не общался с Бродским в силу конфликтной ситуации у нас с ним. В 1965 году я встретил его в Москве, когда он вернулся из ссылки. Он был освобожден по моему письму. Его встретили

Рейн, Аксенов и я. Встреча была в ресторане «Арагви». И вот когда мы сидели с ним в ресторане, на нем была какая-то легкая курточка. Холодноватая, возможно. И я набросил ему на плечи мой пиджак. А он покраснел и сказал:

– Я не беру пиджаки с чужого плеча.

И тут я понял, что он человек очень сложного и тяжелого характера. Есть люди, которые не прощают, когда им кто-то оказывает помощь. Это был его очень большой недостаток. Хотя он был освобожден по моему письму, он вел себя очень нехорошо, некрасиво по отношению ко мне и к тем людям, которые его вытащили из ссылки. Довольно короткой в деревне.

Ему помогла Фрида Вигдорова, которая записала отчет о его судебном процессе. Запись была распространена в самиздате и на Западе. За это Вигдорова была лишена работы и очень скоро скончалась. А он не нашел добрых слов упомянуть о ней. Он был обязан это сделать. Ведь она героически поступила…

Что же касается моего отношения к его поэзии в целом, то я никогда не назову его национальным поэтом. Не потому, что он еврей. А потому, что он очень многое усвоил от западной поэзии. Он хотел, хотел быть западным поэтом. Особенно во второй половине своей жизни эмигрантской. Хотел быть американским, западным поэтом. Поэтому, наверное, и не приезжал сюда.

Он создал свою поэтику, свой синтаксис, свою интонацию. Его поэзия не совсем русская, хотя бы потому, что она весьма холодна, в ней нет теплоты человеческой. Он в основном строил поэзию на сарказме, иронии и там желчь чувствуется. Нет человеческой теплоты. И если уж говорить по-честному, то и любви нет. Вообще».

Ранее высказался и Бродский о поэтике Евтушенко и о «всей его подонности»:

«Что такое Евтух? Он, конечно, поэт очень плохой. И человек он еще худший. От него просто мерзит. Это такая большая фабрика по самопроизводству. Он работает исключительно на самого себя и не делает из этого секрета. То есть он абсолютно откровенен. Его стихи можно просто бросить так, не дочитывая, станет противно.

… Я уже жил в Нью-Йорке, преподавал. Евтушенко позвонил мне. Мы договариваемся встретиться у него в гостинице, где-то около Коламбус Серкл. Подъезжаю я на такси, смотрю – Евтух идет к гостинице. Замечательное зрелище. Театр одного актера! На нем то ли лиловый, то ли розовый пиджак из джинсы, на груди фотоаппарат, на голове большая голубая кепка. Главное, это все на публику!

Он рассказывает, как они там в Москве затеяли издавать журнал, и уж сам Брежнев дал добро, а потом все застопорилось.

Я ему:

– Меня, Женя, все эти тайны мадридского двора совершенно не интересуют…

Встаю, собираюсь уходить. Тут Евтух хватает меня за рукав:

– Иосиф, я слышал, ты родителей пытаешься пригласить в гости?

– Да. А ты откуда знаешь?

– Ну, это неважно, откуда я знаю. Я посмотрю, чем я смогу помочь.

– Буду тебе очень признателен.

И ухожу. Но на этом история не кончается! Проходит год или полтора, и до меня из Москвы доходят разговоры, что Кома Иванов дал Евтуху в глаз. Потому что Евтух трепался в Москве о том, что в Нью-

Йорке к нему в отель прибежал этот подонок Бродский и стал умолять помочь его родителям уехать в Штаты. Но он, Евтушенко, предателям Родины не помогает. Что-то в таком роде. За что и получил в глаз!»

Подлинный, по-моему, повод пожизненной вражды двух выдающихся поэтов – не изначально злополучный пиджак с барского плеча Евтушенко, не стихотворные антипатии обоих, не их иногдашние раздоры, а роковая несовместимость на редкость противоположных судеб людей-антиподов.

Бродский до эмиграции – нелегальный поэт подпольного самиздата, подсудимый арестант, ссыльный, временный вольняшка под слежкой агентуры КГБ за покровительство ему иностранных антисоветчиков, изгой без гражданства. В эмиграции – наконец-то уважаемый поэт, но многолетний «нон-персон» в родной стране.

Евтушенко смолоду комсомольский вожак и самый юный член Союза писателей СССР за стихи 1952 года о «моем самом лучшем на свете друге в Кремле» – генералиссимусе Сталине. Его же проклял экс-сталинист спустя десять лет тоже стихотворно и киноэкранно. За что сделался любимцем Хрущева, а затем приспешником свергнувшего Хрущева генсека Брежнева. Одновременно Евтушенко стал фаворитом шефа КГБ Андропова, других генералов госбезопасности, верховных персон Политбюро ЦК КПСС. Подружился с последним генсеком Горбачевым и его ближайшими сподвижниками Яковлевым и Шеварднадзе.

Бродский сказал однажды при встрече с Евтушенко:

– Ты как подводная лодка: невредим, если один отсек пробьют.

Весной 1972 года вспыхнул второй раунд еще в Москве внелитературной ссоры поэтов. Накануне, в начале мая, некий полковник КГБ, по словам Бродского, вызвал его к себе в Ленинграде и предложил экстренно оформить документы на отъезд поэта заграницу навсегда. Столь неожиданную внезапность Бродский разгадал:

– В это время Никсон должен был приехать в Москву. А у меня к тому времени уже существовала репутация на Западе. И я должен был выматываться. Для чего они выдали мне все бумаги. Очень старались.

Президент США Ричард Никсон действительно приехал тогда в СССР по приглашению генсека Брежнева, зачинателя политики «разрядки международной напряженности». К приезду Никсона утихла антивашингтонская пропаганда советской прессы, наладилось сотрудничество дипломатий обеих стран, приостановили у нас преследование диссидентов. Поспешное выдворение Бродского за рубеж изобразили акцией гуманизма советских властей.

Бродский потом припомнил публично тот гуманизм:

«Полковник говорит:

– Вот что Бродский! Мы сейчас выдадим вам анкеты. Вы их заполните. И они положили передо мной вызов из Израиля. Смотрю – он от Иври Якова. Что означает, вероятно, Еврей Яков. Полковник говорит: «Пишите – Вы внучатый племянник». Он говорит: «Если что, мы вам деньгами поможем». Я отказываюсь.

– Чего мне там делать в Израиле? В гости съездить я бы не отказался, но насовсем? У меня тут свои дела.

Говорю:

– А если я откажусь ваши анкеты заполнять?

Полковник отвечает:

– Тогда, Бродский, у вас в чрезвычайно обозримом будущем наступит весьма горячее время. Житье у вас будет очень трудное.

И я думаю: ну, значит, опять – то ли дурдом, то ли тюрьма… Я заполняю эти анкеты и ухожу».

Окончательное оформление документов на высылку Бродского произвели в Москве в его присутствии. Вслед за тем, как запомнил Бродский, случилось вот что:

«Приезжаю я, значит в Москву заполнить эти самые бумаги и, когда я закруглился, раздается телефонный звонок от приятеля, который говорит:

– Слушай, Евтушенко очень хочет тебя видеть. Он знает все, что произошло.

Звоню Евтуху. Он:

– Иосиф, я все знаю, не могли бы вы ко мне сейчас приехать?

Я сажусь в такси, приезжаю к нему на Котельническую набережную, и он мне говорит:

– В конце апреля я вернулся из Соединенных Штатов. И в аэропорту «Шереметьево» таможенники арестовали у меня багаж! Журналы и книжки. Меня это вывело из себя, и я позвонил своему другу, которого я знал давно. Я приезжаю к нему, и он обещает мне, что мой багаж будет освобожден. И тут, находясь у него в кабинете, я подумал, что раз уж я разговариваю с ним о своих делах, то почему бы мне не поговорить о делах других людей?

(Что, вообще-то является абсолютной ложью. Потому что Евтушенко – это человек, который не только не говорит о чужих делах – он о них просто не думает! И я это вранье глотаю).

Спрашиваю:

– Как друга зовут?

– Я тебе этого сказать не могу!

– Ну ладно, продолжай.

Я про себя вычисляю, что это Андропов естественно. Евтушенко якобы сказал Андропову:

– Я вас прошу – постарайтесь избавить Бродского от бюрократической волокиты и всяких неприятностей, связанных с выездом.

И будто бы тот человек ему пообещал об этом позаботиться. Что, в общем, является абсолютным бредом! И я ухожу. Но чего я понимаю? Что когда Евтушенко вернулся из поездки по Штатам, то его вызвали в КГБ в качестве референта по моему вопросу. И он изложил им свои соображения. Он был там, конечно, в качестве консультанта. Он сказал:

– Иосиф, они там понимают, что ты ни в какой Израиль не поедешь. А поедешь, наверное, либо в Англию, либо в Штаты. Смотри на это как на длинное путешествие…

Через пару лет я повидался с Евтушенко в Нью-Йорке и спросил:

– Скажи как звали человека, с которым ты обо мне разговаривал в КГБ в апреле 1972 года?

– Я не могу тебе этого сказать! – объявил повторно Евтушенко.

– Хочешь на улицу выйдем? Ты на улице скажешь?

– Нет, не могу.

Смог только спустя 28 лет и двадцать лет после краха КГБ. Сознался в своем предсмертном американском интервью с Соломоном Волковым, что совещался он на Лубянке о Бродском не с Андроповым, а с его первым замом по контрразведке генералом Филиппом Бобковым, начальником так называемого «идеологического» Пятого управления КГБ: слежка за диссидентами, вербовка среди них сексотов-доносчиков, аресты неукротимых и заточение их в тюрьмы, концлагеря, мозгопыточные «психушки».

В американской Оклахоме, где поселился и помер Евтушенко, он поведал в последнем телеинтервью:

– Я говорил с Бобковым в его кабинете о Бродском. В это время Бродского уже освободили из ссылки. О нем говорил Бобков очень раздраженно: «Бродский опять написал письмо в Америку и сказал, что хочет уехать. Мы приняли решение, чтоб он уехал – уже надоел всем. Ему дали разрешение, и все, этот вопрос закрыт. Все зависит от того, как он будет себя вести». Бобков был раздражен, не хотел на эту тему больше говорить. А я знал Бобкова. В 1962 году он был начальником безопасности советской делегации, когда я ездил на фестиваль в Хельсинки.

Соломон Волков:

– Это он пытался тогда вас вербовать?

Евтушенко:

– Нет. Он пытался перед фестивалем в Москве в 1957 году. Он уже был большой начальник, Филипп Денисович Бобков. Он со мной проводил беседу:

– Вот сейчас надвигается фестиваль молодежи. Вы включены в бригаду, которая будет выступать на фестивале, вы будете читать стихи, встречаться с творческими людьми. Нам нужно знать настроения. И наших гостей-иностранцев. Просьба просто рассказать, чем люди дышат. Ну а потом мы вам поможем увидеть мир. У нас есть возможности в поездки заграничные включать. Мы будем помогать вам. Если что-то нужно, всегда обращайтесь.

Я сказал:

– Большое спасибо за доверие. Вы знаете, если я встречу врага, да я сам к вам приду! Первый! Я это сделаю сам! Зачем меня вознаграждать

какими-то поездками? Я зарабатываю хорошо, печатаюсь, я и сам могу купить туристическую путевку. Вот так я ушел от них. Он понял, что не на того напал».

Тем не менее в 1962 году на очередном фестивале молодежи в Хельсинки вроде бы незавербованный Евтушенко сочинил, как он проговорился Соломону Волкову, по заказу Бобкова стихотворение «Сопливый фашизм» о финских антисоветчиках:

«Филипп Денисович Бобков выразил огромное спасибо за то, что я поддержал нашу делегацию на фестивале. Они успели перевести стихотворение на все-все языки».

В апреле 1972 года на третьей сходке Евтушенко с главой контрразведки КГБ генералом Бобковым шла речь у них не только о высылке Бродского и возврате из таможни поэту задержанных загранжурналов и книжек. Через 40 лет Евтушенко в Оклахоме рассказал Соломону Волкову:

«Когда мой американский друг Альберт Тодд приезжал в Советский Союз, а его не хотели впускать, я попросил Бобкова отменить запрет: «Тодд мой друг, он не может нам сделать ничего дурного». Я написал письмо в КГБ: «Я знаю, что Тодд был в разведке когда-то, но не знаю, связан ли он сейчас с ней или не связан. Я знаю только, что он очень помог в организации моих поездок по Америке. Я его люблю, мы с ним ближайшие друзья, я за него ручаюсь: никакого вреда он нам не принесет».

И Тодд мне потом рассказывал, что после того, как он в Москве появился, к нему подошел какой-то человек и сказал: «Мистер Тодд, ваш друг Евтушенко обратился к нам. Надеемся, что вы не будете у нас заниматься вашими старыми делами». Хотя говорят, что разведчиками не перестают быть. Это не имеет значения. Альберт Тодд был одним из лучших моих друзей, самых ближайших.

Соломон Волков:

– Здесь в Америке ваш ближайший друг Альберт Тодд сделал для вас невероятно много, он в трудных ситуациях находил выходы из, казалось бы, невероятных ситуаций, организовал для вас охрану. Вот пример того, что мы называем компетентными органами. В лице Тодда, вероятно, эти самые компетентные американские органы старались вас прикрыть. Такова была ситуация?

Евтушенко:

– Наверное, и дай бог им здоровья.

Волков:

– В компетентных органах с обеих сторон друзья Евтушенко!

Евтушенко:

– Ну, примерно что-то в этом роде… Как сказал Бобков, его люди – мои самые искренние друзья».

Евтушенко в Нью-Йорке сетовал в интервью журналистам на то, что его прежний друг писатель Василий Аксенов стал называть Евтушенко «кагэбэшником», а писатель Владимир Максимов – «подполковником КГБ».

Новый его друг Альберт Тодд (1921-2001) был высокопоставленным сотрудником Центрального разведывательного управления США. Занимался агентурными спецоперациями против Советского Союза. В совершенстве владел русским языком. Лично контактировал с некоторыми как бы советскими фрондерами среди элитных литераторов, искусствоведов, публицистов, художников. Устраивал им загрантурне и спонсировал секретно баксами ЦРУ.

Благодаря Тодду до сих пор благоденствует в Нью-Йорке постоянный теперь корреспондент газеты «Московский комсомолец» Владимир

Исаакович Соловьев – эмигрант из Ленинграда, бывший тамошний сексот КГБ, затем осведомитель американских спецслужб, стукач-«двойник», с которым был знаком Евтушенко и прозвал его «гаденьким мальчиком Володей». Ныне этот 79-летний шпик сообщает о ЦРУ, Евтушенко и Тодде в московской газете:

«Берта Тодда я знал, наверное, с четверть века. Берт Тодд был агентом ЦРУ и другом Евтушенко. Мы подружились с Бертом, тем более у нас с ним был our mutual friend Женя Евтушенко. Их с Женей связывала сорокалетняя дружба. С первого приезда Евтушенко в Америку пообещал Берт безвестному здесь тогда Евтушенко устроить гастрольное турне по всей Америке. Фантастика! Берт привез в Москву контракт на выступления в 28 колледжах. Берт организовал охрану Евтушенко из трех телохранителей. Берт выкладывал Жене гонорар не из собственного, выходит, кармана, когда расходы на организацию выступления превышали сборы от него.

Женя, в свою очередь, познакомил Берта с Окуджавой, Вознесенским, Ахмадулиной и Аксеновым. Советские власти поначалу препятствовали американским контактам «великолепной пятерки», подозревая провокацию ЦРУ, хотя это была не мания преследования у КГБ, а реальность. В мозговом центре ЦРУ, быть может, сознавали, что проамериканский литературный диссент подтачивает сами основы советского государства? В конце концов «империя зла» рухнула, но не в одночасье. К этому приложил руку и мой друг американской Джеймс Бонд вместе со своими подопечными московскими литераторами». *(«МК» 28.01.2004, 02.07.2014).*

Финальный батл Евтушенко-Бродский стартовал в мае 1987 года, когда в Нью-Йорке «Американская Академия искусств и литературы» включила в список ее почетных иностранных членов поэта Евгения Евтушенко. Такой же

член Академии Иосиф Бродский отправил ее администрации свое письмо протеста и опубликовал в «Нью-Йорк таймс»:

«Я не могу с чистой совестью быть членом организации, которая столь сильно скомпрометировала свою добропорядочность. Евтушенко – высокопоставленный член истеблишмента его государства и он подло лжет его русским читателям о Соединенных Штатах. Он швыряет камни только туда, куда официально санкционировано и указано. Он флюгер. Принятие его почетным членом Американской Академии, как будто бы представителем всех русских поэтов, кажется мне непристойным и скандальным».

Повторно аналогичное письмо Бродский адресовал в Нью-Йорке президенту университетского Куинс-колледж, куда ЦРУшный Альберт Тодд пристроил в начале 90-х годов своего московского друга-поэта почетным профессором-преподавателем русской литературы.

В ту пору чиновный секретарь Правления Союза писателей СССР Евтушенко уже утратил свой официозный статус и свои былые супергонорары из-за развала советской державы и всей ее экономики. Подобно Евтушенко перебежали тогда на Запад за инвалютной кормушкой крупные совписы Василий Аксенов, Александр Межиров, Анатолий Рыбаков, Виталий Коротич, звезды советской журналистики и ее зарубежной пропаганды Владимир Познер и Мэлор Стуруа (Мэлор – акроним Маркс, Энгельс, Ленин, Октябрьская революция).

Письмо протеста Бродского гласило по поводу новой профессуры Евтушенко в Куинс-колледж на кафедре славистики:

«Вы берете типа, который систематически брызжет ядом советской прессы, как, например, «звезды на твоем флаге – дыры от пуль, Америка». Человек, который так оскорбил флаг Америки, не имеет права преподавать американским студентам. Конечно, времена меняются, и кто прошлое

помянет, тому глаз вон. Но «конец истории» не есть еще конец этики. Или я не прав?»

Евтушенко огрызнулся публично:

– Бродский написал про меня письмо-пасквиль. Это ужасный поступок со стороны Бродского. Это моя самая глубокая рана. Я не могу этого забыть.

Прочие критики Бродского прировняли его американские письма против Евтушенко к бывшим доносам засекреченных стукачей КГБ. Насколько это справедливо?

Ведь Бродский никак не утаил свои эпистолярные протесты. И не исключили Евтушенко из Куинс-колледж и Американской Академии искусств и литературы. Наоборот, по сей день в рекламном буклете Куинс-колледж среди перечня «знаменитых преподавателей» – «русский поэт Евгений Евтушенко» с его фотопортретом.

И все же Бродский сильно навредил Евтушенко в США. Ксерокопии оригиналов обоих писем Бродского заполучил в Нью-Йорке от местной контрразведки профессиональный сексот Соловьев – «гадкий мальчик Володя», прилипала к Евтушенко, Бродскому, Альберту Тодду. Соловьев растиражировал в прессе письма Бродского. После чего ему доверительно поплакался ЦРУшный Тодд:

– Если бы ты знал сколько Женя натерпелся от Бродского! Женю тотально блокируют, отказ за отказом от его выступлений повсюду. Всеобщий остракизм. Особенно здесь, в Нью-Йорке. Какой-нибудь прием или банкет – приглашают Евтушенко, а потом отменяют приглашение из-за того, что гости отказываются рядом с ним сидеть. Женя очень ранимый…

Ранимый переселенец в Нью-Йорк из Москвы обрел в итоге пристанище и скромный заработок лишь в американской глухомани на должности лектора

о российской литературе в провинциальном университете небольшого города Талса в нефтеносной Оклахоме.

Тамошние нефтебароны, меценаты туземного университета, приютили по подсказке из ЦРУ чужеземного поэта, лестную им международную знаменитость. Ему предоставили коттедж, университетский кабинетик площадью в пять квадратных метров со столом и парой стульев, медицинскую страховку бесплатно на случай хвори. Десять лет спустя он захворал онкологией, его врачевали инъекциями, химиотерапией, лекарствами, ампутировали правую ногу. В долголетнем его оклахомском прозябании он отчаялся незадолго до смерти на рывок из эмигрантской безвестности – попросил сделать с ним прощальное телеинтервью литрекламиста Бродского антисоветчика Соломона Волкова.

Бродсколюб прилетел из Нью-Йорка в оклахомскую Талсу с командой телевизионщиков во главе с русскоязычной журналисткой Анной Нельсон, нынешней сотрудницей американских государственных радио и телестанций «Свобода» и «Голос Америки». Американизированные Нельсон и Волков, как выяснилось далее, предвкушали в Талсе сенсационное «покаяние» дряхлого бедолаги Евтуха за его враждебность к их самому гениальному поэту современности. И в том покаялся им оклахомский лузер, горделивый в прошлом хвастун: «Поэт в России больше, чем поэт». Теперь он в Америке понадеялся выпросить милосердную реабилитацию.

Евтушенко жалостно оправдывался:

– Стравили нас с братом мне Иосифом хищными голосами своры. Иосиф – крупная личность, крупный поэт. Его вклад в поэзию заслуживает внимания и изучения. Я и сегодня продолжаю с ним разговаривать. Давайте выпьем за его память. Я еще надеюсь, что в небесах мы помиримся. Я бы его обнял…

Целую неделю самобичевался Евтушенко телевизионно, мучаясь тогда же от телесных болей поразившего его рака. Глотал горстями таблетки

обезболивания. Затыкал тампонами кровоточащие ноздри и уши. Получал в антрактах лечебные уколы. Результат – трехсерийный телефильм Соломона Волкова «Диалоги с Евгением Евтушенко». Был показан в Нью-Йорке и в Москве. Однако телеславословие Бродскому не изменило абсолютно ничего в оклахомских невзгодах эмигранта Евтушенко. Он скончался от рака в городской больнице Талсы в легендарный «день дурака» 1 апреля 2017 года.

Евгений Евтушенко об Иосифе Бродском: «Надеюсь, что в небесах мы помиримся». 2013. Талса. Оклахома.

Лицемерная неискренность похвал Бродскому из уст Евтушенко в его нашумевшем оклахомском интервью обнаружилась через три года всего за несколько месяцев до смерти поэта. Он сказал тогда в своем последнем интервью корреспондентке московского еженедельника «Собеседник» (10.04.2016):

– Бродский сделал мне самую подлейшую вещь на свете, которую только можно было сделать. Он обвинил меня в том, что я был консультантом КГБ по его делу. И, кроме того, он написал про меня письмо-пасквиль президенту колледжа в Нью-Йорке. Он обвинил меня в том, что я всегда отравлял своими стихами взаимоотношения с американским народом. Это ужасный его поступок.

Евтушенко добавил, что Бродский совершил еще одну пакость в отношении уехавшего в США российского прозаика Василия Аксенова:

– Аксенов боготворил Бродского. Аксенов в Америке уповал на то, что Бродский ему поможет издать роман «Ожог». Но тот поступил непристойно. Написал в издательство очень грубую предварительную рецензию, после которой никто не захотел напечатать роман Аксенова.

Аксенов до его американской эмиграции в 1980 году загодя переслал тайком рукопись своего ультра-антисоветского романа «Ожог» в Нью-Йорк крупному книгоиздателю Роджеру Штраусу. Издал Штраус и литературные эссе Бродского и вообще ему всячески покровительствовал. Поручил русскому любимцу изготовить предварительную рецензию на будущую книгу Аксенова по-английски.

А Бродский настрочил крайне негативный отзыв на роман Аксенова. Такие рецензии издательство не разглашало, но Бродский сам пересказал суть его отзыва дружившему с ним книгопечатнику Карлу Профферу, а тот сообщил Аксенову: «Ожог – это полное говно».

Аксенов ответил Бродскому резким письмом: «Ты ни шиша не понял в моей книге. Притом выказал наглость, твою наглость. Ты сделал мне пакость. «Ожог» для меня – пока самая главная книга. Ты же далеко не гигант ни русской, ни английской словесности. Мы с тобой получились такие сильные не-друзья. Всего хорошего».

Даже 12 лет спустя после фиаско «Ожога» в Нью-Йорке и после его все-таки позднейшего издания в США автор ничего не простил обидчику Бродскому:

«В эмиграции все критические высказывания связаны с личными пристрастиями, с принадлежностью к всякого рода группировкам. Бродский – создатель своеобразной литературной мафии. Люди, группирующиеся вокруг Бродского, начинают тявкать автоматически в

мой адрес, что бы я там ни написал. Но для меня это не мнение. Это яд из эмиграции.

Я не считаю себя врагом Бродского. Я его просто терпеть не могу. Я не ценю его как писателя и начинаю зевать от двух строчек его стихов. Его заунывная лира просто противопоказана мне. Как поэт он лишен, с моей точки зрения, основного качества – у него отсутствует музыка. Он монотонен и по звуку сродни Джамбулу. Бродский – не участник карнавала.

Начинал-то он хорошо. Его первые, скажем, десять лет – много обещали. А потом это превратилось в желание удержать созданный образ. Довольно печальная судьба, я бы сказал».

(«МК». 10.12.1989)

На эту же конфликтную тему высказался дважды в 2012 и 2020 годах былой приятель уже умерших Аксенова и Бродского – 81-летний известный в России писатель Валерий Попов. Его диагноз поэзии Бродского: «Думаю, что Бродский, если бы, может, не получил бы Нобелевку, все равно стал бы лучшим поэтом. Авторитет его был бы абсолютным. Поэзия наша по-прежнему «бродская».

Припомнил Попов, впрочем, иначе особую, сугубо личную индивидуальность Бродского:

«Помню Иосифа поры середины 60-х, говорившего скомканной скороговоркой, чередующего гримасы величия с вдруг нахлынувшим румянцем застенчивости. Он был с самого начала нацелен на величие. И был у Бродского, увы, невыносимый характер.

Позже, уже в Америке, Бродский, расчищая свой путь, жестко убирал конкурентов и победил даже могучего Евтушенко, «не порекомендовав» его к преподаванию в американском университете.

Казалось бы неуязвимый Евтушенко вдруг сильно расстроился и долго переживал. «Убрал» Иосиф и нашего кумира, блистательного Васю Аксенова, «зарубив» его рукопись в американском издательстве, и сломал фактически его карьеру в Америке, не скупясь на пренебрежительные отзывы о нем.

Фазиль Искандер рассказывал, что в день вручения Нобелевской премии Бродскому он оказался в гостях у Василия Аксенова в Джорджтауне, под Вашингтоном. Василий Павлович лежал с мокрой тряпкой на лбу и стонал: «Может быть, хоть теперь эта сволочь отстанет от меня?» *(Валерий Попов: «Жизнь удалась». 2012 / «Крушение «Квадриги». Литературная газета. 29.07. 2020).*

Еще один межписательский конфликт произошел у Бродского в Нью-Йорке с тогдашним прозаиком-эмигрантом Эдуардом Лимоновым. Они, по словам Лимонова (его «Книга мертвых», 2013), дружили поначалу:

«Это были регулярные встречи с 1975 по 1982 год. Я встречался с ним на его территории: в кафе «Моцарт» на северной границе Ист-Виллиджа и однажды у него дома, в квартире на Мортон стрит. Пиком нашего с ним сближения был период, когда вышла статья Льва Наврозова в журнале «Время и мы», где злобно оспаривались Бродский и я. Неудачно выступивший в США романист Наврозов трагически ревновал американцев ко всем вновь прибывшим русским литераторам. Поливал соотечественников грязью многословно и от души. Очевидно, он не выносил чужих успехов.

Статья была завистливая. Например, утверждение Наврозова, что неумеренно исключительное положение Бродского объясняется не качеством его монотонных стихов. Наврозов утверждал: Бродский – непревзойденный торговец собственным товаром и, главное, ему помогла советская власть, бесплатно прорекламировав его: нашумевший суд за

тунеядство сделал неизвестного известным. Резонно? Якобы Бродский с тех пор удачно эксплуатирует эту историю.

Иосиф был настолько разозлен, что заявил мне: «Я бы набил Наврозову рыло, если бы не мое больное сердце. Ты здоровый. Встретишь его, дай ему в морду и за меня». Я обещал ему.

Моя с ним дружба закончилась дурной выходкой с его стороны. В 1982 году издательство «Рэндом-Хауз» купило мою книгу «Это я, Эдичка». Мой чернокожий редактор Эролл Мак-Дональд спросил меня:

– Кто из известных русских может написать несколько предложений для Blurb jacket книги. Это поможет нам продать ее.

Я позвонил Бродскому:

– Не мог бы ты написать несколько слов для Blurb jacket – заднего листа обложки? Книгу купило издательство «Рэндом-Хауз».

Он согласился. Я спросил его разрешения дать его телефон Мак-Дональду. Тот потом сообщил мне:

– Странный тип твой друг Бродский. Когда я позвонил ему, он спокойно сказал, что сейчас по телефону и продиктует текст: «Герой Лимонова – тип и героя, и автора, знаком нам по классической литературе – это Свидригайлов…» Ну, я начитанный редактор. Я спросил его: «Вы что, Джозеф, серьезно?» Он отвечал: «Как нельзя более серьезно». Я накричал на него и повесил трубку. Вы что, поссорились?

– Нет.

– Я думаю, – сказал Эролл, – что у него та же проблема, что у наших черных писателей. Каждый хочет быть первым и единственным черным писателем Америки. На своих соперников смотрят с ненавистью! Готовы уничтожить друг друга.

– Но он же ко мне нормально относился до этого.

– Может быть, – сказал Эролл, – но тебя до этого не печатали в Америке, да еще в самом престижном издательстве. Раньше ты был ему не соперник.

У Иосифа была хорошая деловая хватка, попав куда надо, он эксплуатировал жилу до конца. Защищал свое жестко и жестоко».

…Но вместе с тем я, Андронов, познакомился в Нью-Йорке с совершенно иным Бродским – настоящим, заботливым, щедрым другом других российских литераторов-эмигрантов. Одним из них был искусствовед и поэт Геннадий Шмаков.

В апреле 1988 года мне позвонил по телефону Иосиф Бродский и попросил посодействовать его многолетнему другу, бывшему ленинградцу Шмакову, который в те дни умирал, как сказал Бродский, из-за опухоли головного мозга и захотел проститься с его взрослым сыном, живущим в Ленинграде. Бродский попросил уговорить полномочных советских представителей в США разрешить сыну Шмакова прилететь на несколько дней к отцу с обещанием не провоцировать скандал в прессе апелляцией о политическом убежище.

Причину обращения Бродского именно ко мне он не разъяснил. Да этого и не требовалось. Он наверняка запомнил, как полгода назад я попытался прекратить бойкотную молчанку в московской прессе о Нобелевской премии за его поэзию. Ему были, вероятно, также известны мои приятельские контакты с некоторыми российскими эмигрантами – писателем Эфраимом Севелой, скульптором Эрнстом Неизвестным, певцом Вилли Токаревым, художником Мишкой Шемякиным.

Кроме того, Бродский вполне мог прочитать неоднократно газетные инсинуации обо мне в антисоветском «Новом русском слове» о том, что

«борзописец Иона Андронов – полковник КГБ». А стало быть, способен, возможно, реализовать просьбу Бродского о помощи его умирающему другу.

Не обошлось и впрямь без вездесущего КГБ. Просьбу Бродского пересказал я знакомому мне генеральному консулу СССР в Нью-Йорке Владимиру Андреевичу Кулешову. Он был заодно негласно большим чином в загранразведке КГБ. Принял меня в своем служебном кабинете внутри респектабельного особняка генконсульства на Парк-авеню. Спросил:

– Этот Шмаков еще в сознании?

– Да. Но уже не встает с койки в госпитале. Сына зовут Кирилл. Ему 26 лет. Живет в Ленинграде на улице Остроумова, дом 10, квартира 12.

– Приходите опять дня через три. Предварительно позвоните мне.

Он решил, очевидно, проконсультироваться шифротелеграммно с его начальством в Москве. В результате при повторном визите к нему он проинструктировал:

– Пусть Бродский обратится официально в генконсульство и одновременно в наше вашингтонское посольство к послу Юрию Владимировичу Дубинину. В оба адреса нужно отправить экспресс-почтой письменную просьбу Шмакова с его подписью, заверенной нотариусом. Параллельно в Ленинграде сын Шмакова пусть обратится в ОВИР с просьбой кратко навестить смертельно больного отца в Нью-Йорке. Ясно? Есть вопросы?

– Нет. Огромное вам спасибо. За гуманность, за человечность.

Все это я изложил Бродскому, а он обеспечил документальное осуществление последней просьбы его ленинградского друга. Вскоре сын Шмакова простился с отцом в Нью-Йорке. Трагичный Happy End? Частично. Концовку той истории я разузнал лишь десять лет спустя из

автобиографической посмертной книги Бродского – его диалогов с Соломоном Волковым.

Бродский, как оказалось, солгал мне, сказал, что его друг умирает из-за головной опухоли мозга. Много позже Бродский высказал наконец правду:

– Факт смерти Шмакова от СПИДа был более или менее известен в нашей среде. Ему в Нью-Йорке больше не нужно было скрывать свою гомосексуальность. Исчезла висевшая над Шмакова в Ленинграде постоянная угроза тюрьмы или лагеря. Он был, если уж говорить об этом, бисексуален.

Сегодня я считаю, что Бродский поступил правильно в 1988 году, скрыв от меня и тем самым от советских властей причину агонии его дружка-бисексуала: СПИД. Ибо в ту пору повсеместно еще предполагали, что заражаются СПИДом не только гомосексуально, а при любом общении здоровых людей с уже зараженным человеком. Как раньше массово гибли от чумы.

К тому же на всей российской территории была узаконена статья 154-А Уголовного кодекса РСФСР о наказании за «мужеложество – лишение свободы от трех до пяти лет».

Лишь обманом тогдашней гомофобии удалось случайно спасти неожиданную добросердечность советского генконсула к утаенной от него жертве как бы беспредельно заразного СПИДа.

Бродский, не страшась заразиться, просиживал подолгу день за днем у кровати лежавшего пластом друга. Развлекал его шутливыми рассказами, декламировал новые стихи, вспоминал их ленинградские забавы в молодости.

Наиболее авантюрную затею они сотворили, когда обоим, ровесникам, перевалило уже за тридцать. Тремя годами ранее Бродского вытурили из родного города в зарубежье, а Шмаков взмечтал к нему присоединиться, хотя его никто не дискриминировал. Наоборот, полиглот Шмаков успешно

публиковал в советских журналах свои переводы западноевропейских лучших поэтов, издал две искусствоведческие книги, стал членом официозного Союза писателей СССР.

Но все то время он панически боялся, что его упекут в тюрягу за «мужеложество» или принудят шантажом ареста стать агентом-доносчиком на коллег. Немало среди них, гомосексуалов, превратили в сексотов госбезопасности.

В те 70-е годы Шмаков не мог, в отличие от Бродского, заиметь необходимые документы для эмиграции «по еврейской линии», так как у Шмакова и его родни не было ни капли еврейской крови.

Выручил его Бродский из Нью-Йорка. Там Бродский и его приятели в богемном Гринвич Виллидж пообещали молодой мелкой газетчице Салли Джонсон пять тысяч долларов и норковую шубу, за то, что поедет туристкой в Ленинград, оформит фиктивный брак с русским «геем» Шмаковым и привезет его с ней в Нью-Йорк в соответствии с международным законом о воссоединении семей из различных государств.

Фейк удался. Да при том бесплатно для Бродского: богемщица Салли влюбилась в псевдомужа из Ленинграда, отказалась от пятитысячного гонорара и дорогой шубы, постаралась страстными поцелуями соблазнить фаната однополой любви. Тщетно. Шмаков стал в Нью-Йорке завсегдатаем ночных клубов гомосексуалов, их бань-борделей, их дансингов. Трахался беспорядочно с какими попало жопниками и заразился СПИДом. Он прожил лишь 48 лет, когда скончался 21 августа 1988 года. Некролог о нем написал Бродский для «Нью-Йорк таймс».

Бродский возглавил поминальную панихиду по Шмакову в похоронном зале на Мэдисон-авеню. Присутствовал на кремации. Опубликовал свое стихотворение «Памяти Геннадия Шмакова», назвав непутевого друга-земляка «однокашником, наперсником, сотрапезником, братом молочным».

В современных справочниках об истории русскоязычной литературы упомянут благодаря Бродскому малоизвестный искусствовед Шмаков Геннадий Григорьевич.

Иосиф Бродский и его друг Геннадий Шмаков. Нью-Йорк. 70-е.

Существует в Америке уже почти 100 лет литературно-публицистический журнал «Нью-Йоркер», где всякому литератору напечататься столь почетно, престижно, очень элитарно, как в прошлом случилось нечто подобное у нас в России лишь однажды и ненадолго в 60-х годах, когда был главредом столичного «Нового мира» уникальный советский правдолюб и знаменитый поэт Александр Твардовский.

Нынче «Новый мир» и остальные наши «толстые» литжурналы полумертвы из-за катастрофичных их минитиражей. А вот у «Нью-Йоркера» – миллионный тираж до сих пор. И авторы – литературные звезды как прежде. Среди них были только трое русскоязычные: Владимир Набоков, Иосиф Бродский, Сергей Довлатов. По-английски в «Нью-Йоркере».

Новеллист-эмигрант Довлатов писал свои рассказы только по-русски в отличие от англоречивых Набокова и Бродского. Тем не менее их превзошел Довлатов намного в «Нью-Йоркере»: его десять новелл опубликовали в журнале на протяжении 80-х годов. Те публикации считал Довлатом своим главным литературным достижением в США. Это произошло исключительно благодаря Бродскому, по чьей рекомендации редакторы «Нью-Йоркера» напечатали первый рассказ Довлатова «Юбилейный мальчик» 9 июня 1980 года.

Архивно сохранились письма Довлатова «Дорогому Иосифу», в которых он благодарит за помощь, за дружбу с ним, за «мой рассказ в «Нью-Йоркере». Написал осенью 1988 года: «Дорогой Ося! Вся наша семья Вас очень любит. Все наше семейство Вас целует. Обнимаю Вас. Будьте по возможности здоровы».

Насчет семьи Довлатов не слукавил. Его жена и дочка были действительно признательны Бродскому за подмогу их кормильцу. Им посочувствовал гласно Бродский после смерти Довлатова в 1990 году:

«Слишком часто Сереже и его семейству не удавалось свести концы с концами. Он жил литературной поденщиной, оплачиваемой весьма скверно, а в эмиграции тем более». *(Иосиф Бродский. «Мир уродлив, и люди грустны»).*

«Поденщина» Давлатова – это его «оплачиваемые весьма скверно» еженедельные радиоскетчи по-русски на ЦРУшной радиостанции «Свобода». Перманентное вещание об отсутствии свободы в СССР, о постоянном дефиците там в магазинах копченой колбасы, хорошей одежды, мебели, бытовых товаров ширпотреба, о запретах инакомыслия. За такую радиопропаганду платили практичные янки скудно, ибо наветчиков скопилось в эмиграции уже множество – экс-советские литераторы, журналисты, сценаристы, юмористы, актеры без стабильного заработка в США и Западной Европе.

Эмигрант Довлатов как бы оправдывался:

– Если бы меня печатали в России, я бы не уехал.

Уехал он в 1978 году потому, что до того двенадцать лет пытался безуспешно опубликовать в своей стране хотя бы один из его рассказов. Они не были антисоветскими. Они рассказывали без прикрас о заурядных проблемах повседневной жизни рядовых советских людей. Всего-навсего. А свыше требовали обязательной лакровки по канонам литературного «соцреализма».

Еще в Ленинграде неудачник-новеллист депрессивно пристрастился к запойному пьянству. В Нью-Йорке он превратился в хронического алкоголика. Хворал циррозом печени. Летом 1990 года Довлатов во время очередного запоя скоропостижно скончался. Похоронен в Нью-Йорке на еврейском кладбище.

Бродский написал о Довлатове эссе-некролог:

«К его отсутствию привыкнуть все еще не удается. Для меня он всегда был Сережей. Мы познакомились тридцать лет назад в квартире студента филфака ЛГУ. Квартира была небольшая, но алкоголя в ней было много. Потом он исчез, потому что загремел в армию. Вернулся он оттуда, как Толстой из Крыма, со свитком рассказов. Притащил их мне. Сережа был прежде всего замечательным стилистом.

Образ человека, возникающий из его рассказов, – образ с русской литературной традицией не совпадающий. При всей его природной мягкости и добросердечности несовместимость его с окружающей средой, прежде всего – с литературной, была неизбежной. Сережа при этом еще и улыбался. Неуспех его в отечестве не случаен, хотя, полагаю, временен. Успех его у американского читателя в равной мере естественен и, думается, непреходящ. Не следует думать, будто он стремился стать

американским писателем, что нашел в Америке себя и свое место. Это было далеко не так.

Когда человек умирает так рано, возникают предположения о допущенной им или окружающими ошибке. Столь кошмарного конца – в удушливый летний день в машине «скорой помощи» в Бруклине, с хлынувшей горлом кровью и двумя пуэрториканскими придурками в качестве санитаров – он бы сам никогда не написал не потому, что не предвидел, но потому, что питал неприязнь к чересчур сильным эффектам.

Те, кто знали Сережу как писателя и как человека – мы потеряли обоих».

Сегодня известен еще один некролог Бродского о другом его соотечественнике – самом популярном поныне российском барде-стихотворце Владимире Высоцком. Они познакомились сначала заочно на исходе 60-х годов. В те времена в Ленинграде приятель Бродского – диссидент, литератор и бард Анатолий Михайлов – спросил однажды молодого поэта:

– Как ты, Ося, относишься к современным бардам?

– Мне нравится Высоцкий. Больше никто, – ответил Бродский.

(Михайлов А.Г. «В тяжелую минуту жизни». 1991).

В те же 60-е годы и Высоцкий впервые прочитал в самиздате стихотворения Бродского, опубликованные уже контрабандно в США, Англии, Франции.

О том же впоследствии Бродский рассказывал в 1991 году:

– Впервые я услышал Высоцкого из уст Анны Ахматовой: «Я был душой дурного общества». Я думаю, что это был невероятно талантливый человек, невероятно одаренный, совершенно замечательный стихотворец. В нем было

абсолютно подлинное чутье языковое. Рифмы его абсолютно феноменальны. *(«Независимая газета». 23.07.1991).*

Они повидались летом 1977 года, когда Высоцкий побывал в Нью-Йорке и предложил инициативно Бродскому встретиться и творчески пообщаться. Тот сразу же согласился, пригласил Высоцкого и его жену Марину Влади покофейничать с ним в Гринвич Виллидж, а потом привел их к себе домой на Мортон-стрит, угостил приготовленным им самим деликатесным обедом, попросил Высоцкого спеть что угодно, а сам зачитал несколько своих стихотворений по-русски и по-английски.

На тех посиделках в квартире Бродского он презентовал Высоцкому свежеизданную книжицу его стихов «В Англии» с дружеским автографом: «Лучшему поэту России, как внутри нее, так и извне».

Об этом сувенире Марина Влади напечатала в своих мемуарах после смерти ее Володи:

«Перед тем как нам уходить, Бродский пишет тебе посвящение на его последней книге стихов. От волнения мы не можем вымолвить ни слова. Впервые настоящий большой поэт признал тебя за равного. Книгу эту ты будешь показывать каждому из гостей, она всегда будет стоять на почетном месте в твоей небольшой библиотеке. И я буду тихонько улыбаться, глядя, как ты часто перечитываешь посвящение, производящее тебя в сан поэта».

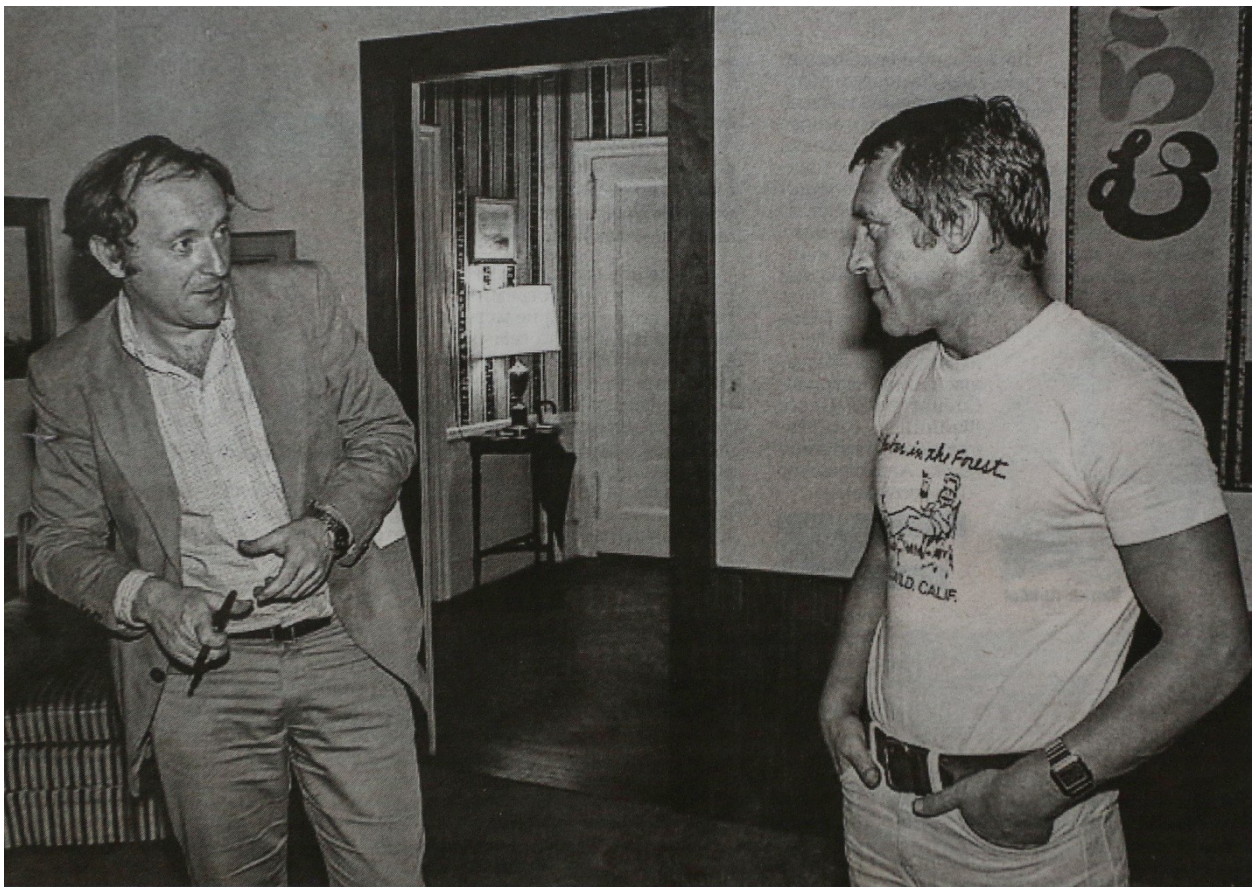
В Москве попросил Высоцкий принять его в Союз писателей СССР как стихотворца всенародно общеизвестных песен. Просьбу отвергли руководители совписов, включая их влиятельного коллегу поэта Евтушенко. Он опасался, очевидно, появления нового знаменитого конкурента в добавок к Бродскому.

Друживший с Высоцким московский кинодраматург Игорь Шевцов засвидетельствовал в автобиографической книге «Живая жизнь» (1992):

«Высоцкий об Иосифе Бродском всегда говорил с уважением и с нежностью – да, с нежностью. И хвалился: «Он мне книжку подарил». Достал и показал маленькую книжечку стихов Бродского – авторское издание, кажется в Лондоне, с автографом».

Сохранились кинокадры выступления Бродского в Нью-Йорке после московских похорон Высоцкого:

– Принято относиться к поэтам-песенникам с некоторым предубеждением. И до Высоцкого отношение ко всем бардам было у меня именно таким. Но начав слушать Высоцкого, я понял, что мы имеем дело именно с поэтом. Как текст это было совершенно замечательно. Я говорю именно о том, что он делал с языком, о его рифмах. А гитара помогала ему скрадывать тот невероятный труд, который он затрачивал именно на лингвистическую сторону своих песен. И в этом смысле потеря Высоцкого – потеря для русского языка совершенно невосполнимая.



Иосиф Бродский и Владимир Высоцкий в Нью-Йорке 20 августа 1977 года.

Весной 2020 года по поводу юбилейного 80-летия со дня рождения Бродского бывшая моя «Литературная газета» на восьми ее полосах восторженно воспела покойного поэта. Провозгласила его трижды «гением» и наградила еще полудюжиной наивысших литературных титулов:

«Великий поэт. Последний классик уходящего века. Единственный, особый, ни на кого не похожий поэт. Поэта-мыслителя такого виртуального уровня русская поэзия еще не знала. Знаковая фигура своего времени. Самый умный и самый свободный из современников. Поэт, без голоса которого мир стал бы гораздо скуднее».

Все это льстивословие увенчали заголовком «Ураган по имени Иосиф». Его поэзия – ураган? Явная чушь. Не он, а теперешние литгазетчики – авторы их безмозглого урагана подхалимажа.

Юбилейные аллилуйщики на их восьми газетных полосах не обмолвились ни единым словом о том, как их прежний многолетний главред публично обозвал «подонком» нынешнего «великого поэта» и трижды «гения». Не повинились постфактум за бойкот молчком их газетой Нобелевского лауреатства Бродского.

Не припомнили и прочие столичные журналисты, как вся нашенская пресса на протяжении 26 лет недолгой жизни Бродского табуировала и его, и его поэзию. Зато теперь позабывшая о том и антисоветская сейчас «Новая газета» тоже славословит усопшего юбиляра:

«Великий поэт Бродский. Его юбилей – праздник. Это фестиваль не только творчества гениального Бродского, но и современной русской литературы и культуры в целом, которая не могла бы существовать без влияния Бродского, поскольку оно слишком велико и сильно. Бродский – философ и отчасти пророк».

Подлинно великий Пушкин изрек устами одного из его персонажей провидческий попрек российскому люду: «Они любить умеют только мертвых».

Иона Андронов

28 мая 2021 г.